

УДК 090:36(571.1–22) (091)
DOI: 10.17223/19988613/60/4

И.В. Курьшев

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И НРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИК ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ В ОЦЕНКЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (ОКТАБРЬ 1917 – МАЙ 1918 г.)

На основе анализа региональной периодической печати автор характеризует социальные преобразования в западносибирской деревне с октября 1917 по май 1918 г., показывает их влияние на общественную атмосферу и нравственно-психологическое состояние западносибирской деревни. Он приходит к выводу о том, что в послереволюционной действительности западносибирской деревни причудливо сочетались противоположные течения, характеризуя, с одной стороны, жажду социального переустройства на справедливых началах, а с другой – консервативные, узко прагматичные, деструктивно-анархистские проявления. К весне-лету 1918 г. произошло обострение взаимоотношений между советской властью и крестьянством.

Ключевые слова: Западная Сибирь; крестьянство; периодическая печать; революционные преобразования; поведение; власть.

Исследование поведения и мироощущения крестьянства, эмоциональной атмосферы в эпоху революционных преобразований позволяют сфокусировать внимание на внутренних особенностях протекания революционного процесса в сибирской деревне, истоках и проявлениях стихийного большевизма крестьянских масс в революционную эпоху, что придает ему особую актуальность. Как утверждает В.Б. Аксенов, «локальные особенности эмоциональной географии, их связь с местными хозяйственно-экономическими, политическими или культурно-историческими особенностями должны стать предметом отдельного исследования» [1. С. 32]. В данном направлении существенным научным достижением стали исследования томских и новосибирских историков, еще в конце 1980-х гг. убедительно показавших многомерность, противоречивость и сложность происходивших в сибирской деревне революционных преобразований [2]. Исследуя политические настроения крестьянства в период революционных преобразований 1917 г., они объективно и детально охарактеризовали неоднородность социально-политических взглядов и устремлений различных слоев крестьян [Там же. С. 164].

Характеризуя потенциал периодической печати как источника, следует подчеркнуть, что материалы периодических изданий Сибири марта 1917 – мая 1918 г. в немалой степени служат достоверным отражением действительности и нередко являются первоисточником. В периодических изданиях опубликованы разнообразные материалы, отражающие широкий спектр умонастроений, мнений и представлений городских и сельских жителей, по большей части отсутствующих в архивах. Это объясняется тем, что в крупных городах печатались издания различной социально-политической ориентации (в том числе меньшевистские, эсеровские, областнические), которые конкурировали между собой в качестве источника информации, поэтому давали в целом объективную интерпретацию происходивших

событий. Периодическая печать позволяет реконструировать идейно-политические воззрения крестьян по вопросу войны и мира, власти и собственности, земельных отношений, быт и нравы, нравственно-психологическую атмосферу пореволюционной деревни.

В качестве источника по изучению революционной действительности периодическая печать плодотворно стала использоваться только с конца 1980-х гг. Весьма показательным в данном аспекте стало появление таких научных трудов, как «Октябрь в Сибири. Хроника событий (март 1917 – май 1918 гг.)» (Новосибирск, 1987) и 12-томная публикация документальных материалов об общественно-политической жизни «Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Сибири. Март 1917 – ноябрь 1918 гг.» (Томск, 1991–1994).

Н.Ф. Иванцова в начале 1990-х гг., используя в качестве источника в том числе и материалы периодической печати, исследовала особенности борьбы за установление советской власти и советское строительство в западносибирской деревне, определила динамику политических настроений крестьянства в зависимости от преобразований общественной жизни на разных этапах революции [3]. Е.Н. Косых посвятил целый ряд своих научных исследований изучению периодической печати Сибири революционного периода (март 1917 – май 1918 г.), осмыслению места и роли сибирской периодической печати в идейно-политической борьбе партий и классов, эффективности пропагандистского воздействия прессы на население [4–6].

Значительным событием в изучении общественной атмосферы и происходивших политических процессов на переломном этапе в истории Сибири стала подготовленная томскими историками В.П. Зиновьевым, Э.И. Черняком, Н.С. Ларьковым, В.А. Дробченко, О.А. Харусь «Хроника общественно-политической жизни Томской губернии в 1880–1919 гг.» [7–10].

Серьезным осмыслением общественно-политической жизни Томской губернии, и в том числе форм крестьянского самоопределения в ней в марте 1917 – мае 1918 г. отличаются труды В.А. Дробченко, основанные в немалой степени и на анализе широкого массива сибирской периодической печати периода с марта 1917 по ноябрь 1918 г. [11].

Изучению профессиональной деятельности журналистского сообщества Сибири в 1917 г. посвящены статьи Д.Л. Шереметьевой [12. С. 3–16]. Однако необходимы дальнейшие серьезные поиски и исследования, охватывающие многогранные аспекты социальных преобразований и морально-правовых изменений в сибирской деревне в революционный период. В связи с этим целью нашей статьи является изучение влияния социальных преобразований на нравственно-психологическое состояние западносибирской деревни в отражении региональной прессы в период с конца 1917 до весны 1918 г.

В.А. Дробченко, характеризуя общественно-политические позиции сибирского крестьянства (на примере Томской губернии), отмечает, что в период революционных преобразований значительная масса сибирских крестьян, находясь под влиянием патриархальных традиций, оставалась аполитичной. Крестьяне действовали, исходя из своих материальных интересов, при необходимости прикрываясь лозунгами о наступившей свободе. Порыв революционного энтузиазма постепенно утрачивался, заменяясь безразличием к происходящему вокруг у одних, а у других – подозрительным отношением ко всем новшествам [11. С. 331, 334].

Сибирское крестьянство характеризовали политический индифферентизм, низкий уровень политической культуры, что, в свою очередь, служило питательной средой для роста правового нигилизма и экстремизма. Бессилие властей в организации управления и наведения общественного порядка приводило к тому, что крестьяне вынуждены были сами, по собственному усмотрению, решать проблемы правопорядка. В то же время, по мнению В.А. Дробченко, «к октябрю 1917 г. сибирское крестьянство накопило определенный политический и организационный опыт, научилось отстаивать свои интересы, перестало на веру принимать вносимые в его среду идеи, хотя, конечно, уровень политической культуры крестьянства оставался крайне низким» [Там же. С. 335].

Осенью 1917 г. в Западной Сибири наблюдалась радикализация общественно-политических настроений крестьянства, что нашло выражение в его взглядах на решение земельного вопроса, проблем землеустройства, отношения к частной собственности. Причем отмечался подъем протестных настроений, прежде всего бедных, обездоленных слоев крестьянства. Постепенно происходила эскалация насилия. Бертран Рассел справедливо видел истоки большевизма в полной противоречий действительности царской России [13. С. 33]. Действия крестьянской бедноты, по мнению Т.В. Якимовой, диктовались крайней нищетой, полуголодным существованием и сознанием того, что трудящийся на земле имеет законное право на пользо-

вание ею в необходимом для обеспечения всех жизненных надобностей количестве [14. С. 44–45].

Немаловажное значение для формирования социально-политических позиций крестьянства по отношению к советской власти, особенно в густонаселенных районах Западной Сибири, где острее сказывались земельные противоречия, имел вопрос о земле. Большинство крестьян надеялись на справедливое, уравнительное распределение земельных участков, лесных и водных угодий среди сельского трудового населения.

Состоявшийся еще до революционных потрясений октября 1917 г. II съезд крестьянских депутатов Петропавловского уезда (20–22 сентября 1917 г.) принял следующую резолюцию по земельному вопросу, категорически отвергая частную собственность на землю:

«1) Принимая во внимание, что земля со всеми ее недрами и угодьями есть дар природы и в понятиях народа – ничья, а Божья.

2) До сего времени отчуждение земли в частное владение породило в народе нищету и несправие, раздробляя трудовое крестьянство на бедных и богатых.

3) Кабальные отношения, существовавшие сотни лет, вымотали все жизненные соки из трудового крестьянства и сделали его повально невежественным...

Поэтому Петропавловский уездный съезд крестьянских депутатов постановляет:

а) Все земли, как то удельные, кабинетские, монастырские, церковные и частновладельческие, должны быть объявлены общенародным достоянием и поступить в общественное пользование без выкупа.

б) Частная собственность на землю во всех ее видах должна быть уничтожена, а вместе с тем должны быть уничтожены купля, продажа, дарение и закладывание земли.

ж) Всякое хищение народного достояния должно быть немедленно пресекаемо» [15. С. 112–113].

III крестьянский съезд Каменского уезда Алтайской губернии, проходивший 15–19 октября 1917 г., также признал необходимым отменить частную собственность на землю и передать ее в общенародное достояние, в ведение органов местного самоуправления [16. С. 63].

Наиболее политически активная часть крестьянства (солдаты-фронтовики, беднота) безоговорочно признала советскую власть. Так, из 12 уездных съездов, состоявшихся в декабре 1917 – январе 1918 г. в Западной Сибири, 10 съездов поддержали советскую власть [17. С. 173]. Часть крестьянства (прежде всего зажиточная) поддерживала эсеров, руководство союза кооператоров, что отразилось, например, в решениях V Курганского уездного крестьянского съезда (27–28 ноября 1917 г.) [18. С. 119–120], съезда крестьянских депутатов Каинского уезда (10–12 декабря 1917 г.) [19. С. 147], постановлениях губернских и уездных земельных комитетов, земских управ, уполномоченных союза кооператоров, выступивших с безоговорочной поддержкой Учредительного собрания и призывом к открытому непризнанию советской власти.

В то же время, например, уже II крестьянский уездный съезд по созыву Курганского совета рабочих и солдатских депутатов, состоявшийся 28–29 декабря

1917 г., выразил только условную поддержку Учредительному собранию с весьма существенной оговоркой: «Поддерживать Учредительное собрание только в том случае, если последнее санкционирует действительную волю трудового народа, выраженную через СНК, утвержденную Центральным исполнительным комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, и в дальнейшем поддерживать постольку, поскольку оно будет выражать волю трудящихся масс» [18. С. 132–133]. Схожие позиции занимали и делегаты IV съезда советов крестьянских депутатов Каменского уезда Алтайской губернии (29 декабря 1917 г. – 8 января 1918 г.), выразившие мнение, что власть на местах должна принадлежать советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [16. С. 78–79].

Адекватной представляется характеристика социально-политической неоднородности сибирского крестьянства в силу его социально-имущественной, хозяйственной дифференциации: «Общее для сибирского крестьянства осенью 1917 г. чувство недоверия Временному правительству, возмущения проводимой им политикой, глубокий антивоенный настрой, желание добиться радикальных изменений в своем положении не могли быть удовлетворены равнозначным для всех слоев крестьянства образом. Если крестьянская беднота решительно выступала за власть Советов, то значительная часть среднего и мелкого крестьянства, отрицая власть Временного правительства, далеко не так уверенно высказывалась за советы, оставляя решающее слово за Учредительным собранием» [2. С. 164].

В частности, сельское собрание поселка Орловский Семилужской волости Томского уезда считало необходимым немедленное прекращение гражданской войны и бесполезной и разорительной войны с немцами. Учредительное Собрание, по его мнению, должно было немедленно выработать новые законы о земле и воле и выбрать правительство по взаимному согласию, без междоусобицы и кровопролития [20. 1918. 14 янв.]. Представители поселка Парамоновского Нижне-Каинской волости Каинского уезда также выразили отрицательное отношение к захвату власти большевиками накануне созыва Учредительного собрания, посчитав единственно верным образование правительства из представителей всех социалистических партий от народных социалистов до большевиков включительно [Там же].

Роспуск Учредительного собрания не оказал решающего влияния на умонастроения и поведение бедных и средних слоев крестьянства Западной Сибири в декабре 1917 – январе 1918 г., хотя, например, в Томской губернии эсерами был организован ряд акций в поддержку Учредительного собрания. К его разгону сибирское крестьянство отнеслось довольно сдержанно. Каких-либо массовых акций крестьян в защиту Учредительного собрания в губернии не произошло. Тем не менее под влиянием эсеровской пропаганды ряд волостей высказался за поддержку Учредительного собрания, выразив возмущение по поводу его разгона. Так, земское собрание Каинского уезда полностью власти за советами не признало, исходя из лозунга «Вся власть Учредительному собранию» [Там же.

21 (8) февр.]. Против разгона Учредительного собрания протестовали Итатская и Судженская волости Мариинского и Томского уездов, часть крестьян Кузнецкого уезда [Там же. 5 марта (20 февр.)].

Большевистский орган Западносибирского исполкома советов журнал «Западная Сибирь» в начале 1918 г. сообщал о поддержке на многочисленных волостных и уездных съездах крестьянской беднотой и середняками Советской власти: «Везде подавляющим большинством признается и приветствуется советская власть как защитница трудового крестьянства и деревенской бедноты. В резолюциях о власти выражается готовность всемерно поддерживать советскую власть до вооруженного выступления» [21. С. 38–39].

В то же время, по мнению корреспондента «Земской газеты», делившегося впечатлениями с Томского губернского крестьянского съезда, единодушная поддержка крестьянами советской власти была нередко наигранной, мнимой: «Большинство единодушно голосовало за власть советов, шумными аплодисментами награждало оно краснобаев большевистского толка. Это было в зале заседаний... А в кулуарах? Здесь шли совершенно другие разговоры. Здесь говорилось о том, что “раньше на наших плечах сидел Николай, потом Керенский, а теперь советчики”, что “нам, крестьянам, все равно плохо” и т.д. и т.п. И это говорили те, кто в зале торжественно подымали руку за Советскую власть» [20. 1918. 14 (1) марта].

Существенное влияние на формирование политического сознания западносибирских крестьян оказали крестьянские съезды. По справедливому мнению Э.И. Черняка, они «сыграли большую роль в установлении советской власти в Сибири. Их значение не сводилось только к принятию резолюций в хозяйственно-экономической и организационной областях, обеспечивавших практическую реализацию советской власти. Эти съезды способствовали развитию политического сознания крестьянства, более четкому определению политических позиций, ориентации, симпатий» [22. С. 179]. Так, Ишимский уездный крестьянский съезд, открывшийся 28 (15) февраля 1918 г., единогласно принял предложенную большевиками резолюцию по текущему моменту: «...Октябрьский переворот явился следствием банкротства соглашательской политики с буржуазией и отказа в удовлетворении всех требований широких народных масс ради сохранения привилегий и господства капиталистов и помещиков. Ближайшей задачей рабочего класса и разоренного крестьянства является укрепление центральной власти Советов путем проведения ее решений и обладания власти на местах» [18. С. 153–154].

Меньшевистская газета «Алтайский луч» подчеркивала, что последние крестьянские съезды проходят под влиянием большевизма, объясняя это тем, что «большинство крестьян, зараженное магическими лозунгами советской власти, забывало о данных наказах, присоединяясь к республике советов» [23. 1918. 14 февр.]. Крестьянская беднота выражала искреннюю решимость самоотверженно бороться за советскую власть. Так, по сообщению большевистской газеты, в селе Солоновском Каменского уезда бедняки приняли

пробольшевистскую резолюцию: «Вся власть советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, и эти советы мы будем поддерживать до последней капли крови» [24. 1918. 29 янв.].

В.П. Булдаков характеризует направленность действий крестьян в 1917–1918 гг. термином «общинная революция», поясняя его тем, что «общинники, стремясь в ходе “черного передела” захватить как можно больше земли и угодий, невольно оказались в состоянии войны против всех... наконец, города в целом» [25. № 1. С. 51].

Характерно, что один из меньшевистских деятелей, член редколлегии меньшевистской газеты «Алтайский луч» (впоследствии – управляющий Министерством труда Временного Сибирского, Временного Всероссийского, Российского правительств, с 6 мая 1919 г. министр труда Российского правительства) Л.И. Шумиловский с большим разочарованием отнесся к социальным преобразованиям в сибирской деревне. Он отмечал, что в деревне «происходит грандиозный социальный бунт, но не планомерная социальная революция, и если дело закончится там в конце концов революцией, то очень возможно, что ее плодами воспользуется не деревенская беднота, а только наиболее крепкий хозяйственный мужик» [23. 1918. 10 (25) марта].

Несмотря на то, что Декрет о земле, принятый II Всероссийским съездом советов, отменил право частной собственности на землю, провозгласил передачу всех земель с их недрами и лесами в общенародную собственность, в реальной действительности западносибирской деревни сохранялось множество противоречий в решении аграрного вопроса. Причем, социализация земли в тех конкретно-исторических условиях нередко приводила к еще более сложным и запутанным проблемам, способствуя дальнейшему разрастанию социальных конфликтов и разъединению крестьянского социума, экономическому усилению кулачества.

Западносибирские газеты социал-демократического направления писали о разрушении эгалитарных устремлений крестьянства, появлении новых видов неравенства. Крестьяне в малоземельных местностях по традиции составляли приговоры: «Земли посторонним не давать, применять наемный труд, как прежде» [Там же. 16 (3) апр.]. Корреспондент из села Ново-Колпаковское Барнаульского уезда писал о том, что в ходе разверстки земли по едокам за каждым закреплялся надел в размере всего 2 десятины пахотной земли в силу малоземелья сельского общества. При этом сельский комитет разрешал работоспособным семьям запахивать землю «маломощных». Автор корреспонденции констатировал, что в данном случае в скрытой форме применялись аренда земли и наемный труд, причем арендаторами являлись наиболее зажиточные, а наемными – наиболее бедные крестьяне [26. 1918. 26 (13) мая].

Устойчивые интересы прежних владельцев земли и новоявленных претендентов на нее привели к ожесточенному столкновению и противоборству социальных группировок в деревне, что наиболее ярко проявилось в Алтайской губернии, где острее по сравнению с соседними регионами сказались земельные проблемы и противоречия. Сельские и волостные комитеты оказа-

лись не в состоянии примирить враждующие стороны. В некоторых селениях Косихинской волости Барнаульского уезда члены волостного земельного комитета, выезжавшие туда для урегулирования земельных конфликтов, едва не подверглись расправе, когда уговаривали имущих граждан «без греха» поделиться землей с бедняками. В наделении землей безземельных отказывали даже в тех сельских обществах, где имелись излишки в 400–500 десятин [23. 1918. 16 (3) мая].

В западносибирской деревне обострились и противоречия, связанные с лесопользованием. Так, на проходившем с 25 февраля по 3 марта 1918 г. в Барнауле съезде Алтайского отдела Всероссийского Союза лесоводов обращалось внимание на то, что истребление лесов все увеличивается. По сообщениям с мест, население повсюду игнорировало распоряжения земских комитетов, ограничивающие захватные стремления, и обращалось в комитеты лишь тогда, когда это было ему полезно. Ни одним из докладчиков не было отмечено, чтобы население относилось к лесу, как к общенародному достоянию.

С переходом лесов в ведение земельных комитетов население Западной Сибири (в особенности в Алтайской и южной части Томской губернии), проживавшее в лесостепной местности, стало объявлять леса своими угодьями, не признавая ни управы, ни администрации лесничеств, и воспрещало заготовки леса даже для городов и железных дорог. «При пользовании же лесом местного населения, – подчеркивал корреспондент, – наибольшую выгоду для себя извлекают сильные, многолошадные крестьяне и наименьшую те беднейшие крестьяне, которые всего больше ратуют за переход власти к земельным комитетам» [23. 1918. 23 (10) марта].

Самовольные порубки лесов возрастали, администрация лесничеств терроризировалась (газеты приводили факты всевозможных насилий, убийств лесничих), не допускалась к учету и освидетельствованию заготовок. «Лесничего и объездчиков, стремящихся охранять лес, крестьяне считают своими врагами и даже грозятся их убить. За соответствующими разрешениями на порубки к лесничему никто не ездит, так как все крестьяне казенный лес считают своим», – отмечал корреспондент, рассказывая о массовых самовольных порубках леса, в том числе ценного кедрача, в Кузнецком уезде Томской губернии [20. 1918. 12 марта (27 февр.)]. Массовое и широкомасштабное истребление лесных богатств, отсутствие личной безопасности вынуждали лесничих к уклонению от службы, лесную стражу – к массовым увольнениям. Сами же расхитители лесных богатств, многие из которых являлись бывшими фронтовиками, участниками Первой мировой войны, оправдывали свои незаконные действия по самовольной вырубке леса следующим нравственно-психологическим мотивом: «Мы проливали кровь и получили право!» [27. 1918. 23 (10) февр.].

Указанные факты свидетельствуют о том, что в ходе революционных преобразований усиливались собственные инстинкты части западносибирского крестьянства, а возвышенные социалистические идеи подменялись откровенным прагматизмом, порою превращаясь в обычное перераспределение собственности.

Процесс установления советской власти в Западной Сибири принял затяжной, неоднозначный характер. Советская власть формально победила в сибирской деревне к весне 1918 г. Однако, как установила Н.Ф. Иванцова, к маю 1918 г. на территории Западной Сибири сельские Советы действовали лишь в 60–70% волостей и всего в 4–5% сел [3. С. 185, 187]. Так, «Земская газета» отмечала, что в волостях Томского уезда советов нет, крестьянские депутаты высказываются за полноту власти Учредительного собрания, а власть на местах считают принадлежащей земству, которое должно работать в контакте с советом [20. 1918. 21 (8) февр.]. Фактически власть в сельской местности была сосредоточена в руках зажиточной верхушки деревни, управлявшей сельскими сходами и по-прежнему притеснявшей бедноту.

Наиболее сильное революционизирующее воздействие фронтовиков сибирская деревня испытала в первые недели после их возвращения, когда они были в большей степени пропитаны стихийным большевизмом и политически активны. Находя свои хозяйства чаще всего в запущенном состоянии и будучи не в силах восстановить их самостоятельно, фронтовики неизбежно поддавались влиянию наиболее зажиточной части деревни, и весной 1918 г. потеряли свою социальную активность.

Сельский корреспондент из села Усть-Калманка Бийского уезда под псевдонимом Сергей Непутевый, представая в облике типичного крестьянского бунтаря и правдоискателя, размышлял о вечном поиске справедливости, обличая засилье сельских богачей, их тесную связь с представителями местной власти. Осуждая жажду наживы, жадность и корыстолюбие деревенских богачей, С. Непутевый с искренним возмущением писал: «Цену-то возьмет, сколько захочет, и заставит своего же земляка пахаря просить чуть ли не на коленях уступить “хлебца” для того, чтобы наряду с сытыми не пропасть с голоду да хоть немножко вспахать. Ведь не засеять, так ждать нечего будет» [26. 1918. 25 (12) мая]. По его свидетельству, например, получив удостоверение от местного совета крестьянских депутатов, кулак Богомяков, имевший трехпоставную мельницу, взял с хлебозаготовительного пункта на собственные нужды 24 пуда хлеба.

Протестуя против подобных злоупотреблений и сращивания местной власти с кулачеством в силу удовлетворения собственных корыстных интересов, корреспондент с негодованием писал: «Протестовать против выдачи было трудно – в порошок сотрут. Чего, мол, еще рассуждать? Председатель Славгородский приказал и баста! Все идет как по старому, раньше становой с делопроизводителем, а теперь председатель с секретарем... Хочется спросить Богомякова: “Не тошнит ли тебя с этого хлебца: ведь там, куда он предназначался, наверняка есть люди, корчащиеся в голодных судорогах, или крестьяне, охающие над незасеянной полосой”» [Там же].

Многолетнее господство кулаков в сибирской деревне вызывало возмущение, протест со стороны ее бедняцких слоев. Этот протест при советской власти, когда ведущую роль в сельском управлении постепен-

но приобретали вернувшиеся солдаты-фронтовики, воплощавшие синдром «человека с ружьем», часто превращался в радикальные меры по раскулачиванию, реализацию революционного принципа равенства.

Так, корреспондент «Сибирской земской деревни» из деревни Соловецкой Калачинского уезда Тобольской губернии возмущался поведением большевистски настроенных крестьян. Мотивы своего поведения, по его словам, они объясняли симптоматичным пониманием свободы: «...Теперь свобода, – значит: что хотим, то и делаем, и ничего за это нам никогда в жизни не будет, так как “власть советская” большевиков – самая наилучшая из властей и отныне будет существовать без конца, тысячи лет» [28. 1919. 10 марта]. Как сообщал далее корреспондент, после окончания собрания возбужденная толпа направилась к владельцу мельницы Ф. Селиверстову, угрожая сейчас же бросить его в реку Омь, «так как только таким путем предполагали искоренить в жизни всех деревенских кулаков, чтобы затем между всем трудовым народом началось равенство» [Там же]. Однако прагматичные крестьяне предложили подвергнуть мельника штрафу «тысяч в десять», а затем отпустить его. Автор сетовал, что через три дня по причине поломки не только остановилась отобранная у кулака мельница, но и всему населению деревни негде было размолоть муку.

В корреспонденции из села Брюханово Косминской волости Кузнецкого уезда волостной совет, состоявший из местной бедноты, вынес постановление о реквизиции хлеба у богатых крестьян; почти все присутствовавшие на его заседании высказались за то, что «нужно посадить буржуев-мужиков на паек, определив таковой по 1 пуду 10 фунтов в месяц на человека, весь же остальной хлеб надо реквизировать по 8 рублей за пуд, оставив, конечно, кое-что для посева, но не более 40 пудов» [20. 1918. 12 марта (27 февр.)].

Особую неприязнь, враждебное отношение к кулачеству и выражавшим его интересы членам сельских управ и земельных комитетов питали крестьяне – бывшие фронтовики, находя свои хозяйства в совершенном разорении и испытывая со стороны представителей сельского управления равнодушие и эгоизм. Так, областническая газета «Жизнь Алтая» освещала один из судебных процессов, связанный с убийством крестьянином, бывшим фронтовиком И. Бороздиным, своего односельчанина Н. Сулова, служившего в земельном комитете. «Мы страдали в плену, а вы тут подати драли с наших жен, – говорил опьяневший, больной туберкулезом Бороздин во время ссоры с Н. Суловым, закончившейся убийством последнего. – Погоди, вернутся наши товарищи из плена, расправимся мы тогда со старшинами да со старостами!» [29. 1918. 25 дек.]. Живая, многоликая революционная действительность проявляла себя в жесткой схватке личных интересов, побудительных мотивов любого социального действия.

Ход социальных преобразований в сибирской деревне и их воздействие на массовую психологию крестьянства во многом зависели от нравственно-психологического облика представителей государственной власти на местах. Количество убежденных

революционеров и мучеников революции было весьма невелико, гораздо больше оказалось у власти приспособленцев, карьеристов, «оборотней», которые в суровые дни революции «всплывали случайно на поверхность революционных волн» и жаждали реализовать свои, часто небескорыстные цели. Так, по сообщению печати, в совет с Бердска Новониколаевского уезда пробрались темные личности, терроризировавшие население: председатель совета – Бахарев, служитель публичного дома в Томске в довоенное время; председатель земельного отдела – А. Большаков, содержатель пивного завода в Бердске, привлекавшийся к ответственности за зверское убийство цыган; секретарь совета – Н. Павловский, мошенник, отбывавший ранее тюремное наказание за вымогательство; комиссар милиции – молодой, неграмотный человек [26. 1918. 22 (9) мая].

Председатель Алтайского губернского продовольственного комитета А.Ф. Басов под угрозой судебного расследования вынужден был направить в Москву телеграмму народному комиссару юстиции, в которой сообщал о всесии в органах советской власти Бийска лиц с уголовным прошлым, провокаторов, занимавшихся подлогами и взяточничеством, бывших полицейских охранников [23. 1918. 17(4) мая].

Западносибирская деревня на всем протяжении революции и гражданской войны страдала от самоуправства как местных властей, так и разного рода авантюристов, самозванцев, с помощью силы оружия глумившихся над мирными крестьянами. Так, корреспондент из деревни Тогучин Томского уезда с негодованием писал о том, что один из местных крестьян совершил целый ряд мошеннических акций в местном кредитном товариществе, похитив в мае 1917 г. не одну тысячу рублей, принадлежавших в основном бедным солдаткам, уничтожив с целью сокрытия преступления бухгалтерские книги. Затем был призван на военную службу. В конце декабря он возвратился со службы из Омска, вооруженный шашкой и револьвером. Приехав в Тогучин, этот самозванец заявил, что он большевик, начальник роты красногвардейцев, что скоро вызовет из Омска эту роту, разобьет ненавистную «потребилку» и кредитное товарищество, станет отбирать у жителей хлеб и скотину. Население было терроризировано этим. «Куз. ходит по деревне, потрясает оружием и говорит: “Вот уж погодите, узнаете меня”, – отмечал корреспондент. – Мирное население беспомощно борется с такими явлениями; оно только возмущается тем, что теперь развелось так много разных неведомых и непрошенных комиссаров, и кому не лень, тот и глумится над народом» [20. 1918. 19 (6) февр.].

В некоторых уездах партийные организации пытались избавиться от попутчиков революции, людей с уголовным прошлым, авантюристов и стяжателей. Делегат петропавловских большевиков на Западносибирском съезде РСДРП(б) в мае 1918 г. отмечал, что к ним после установления в уезде власти советов «прикнула часть темных элементов. После нового года была проведена чистка организации. Примазавшиеся элементы были выкинуты» [30. 1918. 26 мая]. Однако

подобные примеры в первой половине 1918 г. были еще относительно редки.

Существенное влияние на социально-политические настроения западносибирского крестьянства оказала продовольственная политика большевиков, сопровождавшаяся введением продовольственной диктатуры и усилением нажима на крестьян, особенно к весне 1918 г. Многочисленные перегибы, злоупотребления, эгоизм и сепаратизм местных органов власти и управления в сочетании с проводимым советским правительством курсом на монополизацию хлебной торговли вызвали в среде западносибирского крестьянства усиливавшееся недовольство и озлобление. Положение усугублялось нарушением товарообмена между городом и деревней. Уже на III сессии Алтайского губернского продовольственного комитета 23 января 1918 г. отмечалось, что если в октябре 1917 г. ежедневная заготовка хлеба доходила до 120–150 пудов, то в январе 1918 г. она сократилась до самых минимальных размеров и далее продолжала сокращаться изо дня в день. Причинами этого кризисного явления были названы: 1) общая экономическая и политическая разруха в стране, которая не дает уверенности в завтрашнем дне; 2) постоянные колебания цен на товары – в сторону повышения; 3) неуместная агитация лиц, не имеющих никакого отношения к продовольствию; 4) отсутствие денежных знаков и товаров; 5) нарушение твердых цен [23. 1918. 17 (4) февр.]. При этом, уклоняясь от сдачи продовольствия, сельские жители прятали хлеб, зарывая его даже в землю [26. 1918. 22 (9) мая].

Пытаясь найти причину обострения конфликта между городом и деревней, крестьяне справедливо считали, что хлебная монополия при слабом проявлении государственной власти привела к росту противоречий между крестьянством и властью, городом и деревней. Сельское собрание села Московского Убинской волости Каинского уезда отмечало имеющиеся в деревне настроения не в пользу горожан и указывало, что «уговаривают не давать им хлеба за то, что они товары поприпрятали при царе да сбывали в Германию» [20. 1918. 14 янв.]. В приговоре от 15 января 1918 г. крестьяне села Старая Барда Алтайской губернии констатировали сложившиеся ненормальные экономические отношения между городом и деревней, выступив против запрета свободной торговли. У них возникло глубокое убеждение в том, что по отношению к крестьянину поступили несправедливо, жестоко обидев его, и поэтому вполне достаточно посеять хлеба только для собственной семьи [31. 1918. 20 янв. (2 февр.)].

Подъем социально-политических настроений, наблюдавшийся в западносибирской деревне в ноябре 1917 – первые месяцы 1918 г., постепенно шел на спад. Так, уже в декабре 1917 г. крестьяне из деревни Кандыково Ново-Николаевского уезда признавались на сельском собрании: «Мы начинаем разочаровываться во всех политических партиях. Мы желаем достигнуть счастья родины мирным путем, а не захватами и бунтами» [32. 1917. 21 дек.]. В январе 1918 г. сельское собрание села Мариинского Убинской волости Каинского уезда обратилось к гражданам с призывом прекратить немед-

ленно беспорядки и гражданскую войну. Кроме того, оно считало необходимым установить твердые цены на товары массового потребления, развернуть самую энергичную борьбу со спекулянтами, самогонщиками и нарушителями распоряжений власти, не останавливаясь перед самыми решительными мерами [20. 1918. 14 янв.]. В последующие месяцы, в частности в марте 1918 г., в сообщениях сельских корреспондентов указывалось на то, что крестьяне хотят твердой власти, испытывают усталость от жизни, ярко выраженные чувства дезориентации, сомнений, страха перед будущим.

Весной 1918 г. в сибирской деревне все отчетливее проявлялась тенденция политической индифферентности и аморфности. В заметке из села Залесово корреспондент сообщал об этих отрицательных чертах крестьянской жизни: «Деревня в настоящее время не видит точки опоры, она ползет по наклонной плоскости и те отрадные явления... пропадают, как одна звездочка в ночной темноте, среди пьянства, разгула и других безобразий. Чувствуется усталость наших крестьян. Они начинают тяготиться свободой, они боятся за свои пожитки, за свои храмы и т.д. Велики суеверия и предрассудки» [23. 1918. 19 (6) апр.]. «Пока шел передел власти в губернском центре, село на некоторое время оказалось предоставлено самому себе. В нем продолжали действовать органы самоуправления, однако доверие к ним неуклонно снижалось, институты власти становились все более аморфными. Еще больший размах приобрело самогонование. Село сохраняло зыбкое спокойствие, которое периодически нарушалось вспышками самосудов», – справедливо отмечает В.А. Дробченко [11. С. 352].

На Барнаульском уездном съезде советов крестьянских депутатов в начале апреля 1918 г. отмечалось, что если на прежних съездах крестьяне стремились к политическому самоопределению, требовали обсуждения текущего момента, то сейчас они заявляют о своей беспартийности, об усталости деревни от политики [23. 1918. 3 апр. (21 марта)]. Призыв помочь рабочим и голодающим произвел слабое впечатление на представителей крестьян. Основным мотивом выступлений крестьянских депутатов являлся вполне прагматичный аргумент: «Хлеб только за товары» [Там же. 6 апр. (24) марта].

Ряд сотрудников продовольственных органов видели в применении реквизиции к тем владельцам хлеба, которые отказывались от добровольной сдачи зерна, единственный путь, чтобы усилить подвоз хлеба и оказать помощь в спасении голодающих центральных губерний. В то же время часть советских деятелей высказали опасение в применении насилия по отношению к крестьянству. Так, большевик Кургузов на III сессии Алтайского губернского продовольственного комитета указывал: «Каждому известно, что мы не имеем средств разрешить разруху. Я никогда не соглашусь с насильственным отчуждением хлеба. На этом пало самодержавие, пало Временное правительство, падем и мы. Мы твердо верим, что крестьяне при товарообмене хлеб повезут добровольно» [23. 1918. 17 (4) февр.].

Общеизвестно, что среднее крестьянство, в целом поддерживая политику большевиков на этапе револю-

ционно-демократических преобразований, не отличалось устойчивыми социальными позициями и настроениями, сочетая в себе противоречивые черты труженика-земледелца и собственника. Принудительное изъятие хлеба вызывало сопротивление крестьянства. На подавление крестьянских выступлений направлялись отряды красной гвардии из близлежащих рабочих поселков. Политика большевиков, сознательно направленная на раскол деревни, приводила к социальным конфликтам между деревенской беднотой и кулаками, приписными и старожилками. По мнению В.А. Дробченко, с весны 1918 г. крестьянское сопротивление советской власти стало принимать массовый характер. Уездные и сельские советы и красная гвардия оказались неспособны контролировать ситуацию на местах. К лету 1918 г. значительная часть сибирских крестьян, разочаровавшись в политике большевиков, стала оказывать активное сопротивление советской власти [11. С. 356].

В некоторых сибирских селах ярко проявились анархистские настроения: крестьяне отчаянно защищали свою, народную власть от каких-либо посягательств, ограничений со стороны большевиков, вообще органов власти и управления, оказывали сопротивление отрядам милиции [23. 1918. 20 (7) марта]. В целях борьбы с преступностью, винокурением, например, 9 марта 1918 г. из г. Барнаула в с. Бутырки был командирован отряд милиции. Крестьяне, посчитав отряд красной гвардией, решили прогнать его обратно. Угрожая, они заявили начальнику отряда: «Ни вас, ни Ленина, ни Троцкого мы не выбирали, а потому вы нам не нужны. Все, что вам нужно, просите у тех, кто вас сюда послал». Разъяренные крестьяне угрожали милиционерам жестоким самосудом. По требованию районного съезда крестьяне отобрали у отряда все оружие и только после этого освободили милиционеров. Милицейский отряд, опасаясь крестьянского самосуда, вынужден был обходить соседние села за несколько верст [33. № 1. С. 123].

В селе Ишим Томского уезда разъяренная пьяная толпа во главе с сельским комитетом чуть было не растерзала милиционера, попытавшегося вести борьбу с самогонованием. «Уничтожить это зло и направить жизнь в деревне на правильную точку может только организованная в каждом селении красная гвардия из сознательных крестьян и интеллигенции. Волостная управа надеется на совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, что лишь последний может оказать ей поддержку в скорейшем искоренении этого зла, иначе Россия потонет в мраке невежества» [20. 1918. 17 (4) февр.], – констатировал волостной секретарь Драгунов. В то же время в соседнем Кузнецком уезде, располагавшем штатом в 56 милиционеров, по заверениям печати, шла довольно успешная борьба с самогонщиками [Там же].

Надо сказать, что создание эффективной системы охраны безопасности граждан в условиях революционной ломки являлось чрезвычайно сложной задачей, да и организация милицейской службы была низкой. Один из крестьянских делегатов из села Гутово Кайлинской волости Томского уезда подчеркивал по этому поводу: «Отсутствие суда и закона ставит милицию

в совершенно невыносимое положение. Местами милицию сделали орудием политической борьбы, и в результате местами на службе остаются лишь милиционеры, умеющие держать нос по ветру» [20. 1918. 24 (11) февр.].

Волостной съезд крестьянских депутатов, состоявшийся 20 марта 1918 г. в селе Талицком Барнаульского уезда, усмотрев покушения на завоевания революционной свободы, принял характерное постановление: «Признавая власть советов, съезд в то же время заявляет, что власть эта должна быть чисто народная, чтобы распоряжения, относящиеся быта народа, не исходили сверху, а рассматривались бы сначала самим населением или уполномоченными его, и уже затем утвердились бы высшим советом; все распоряжения, непосредственно исходящие свыше и клонящиеся к ущербу интересов народа, мы оставляем за собой право не исполнять» [23. 1918. 9 апр. (27 марта)].

П.С. Парфенов с точки зрения большевистской идеологии дал следующую характеристику особенностей политических настроений сибирского крестьянства накануне падения советской власти: «По своей малокультурности и несознательности, – писал он, – деревня не была заинтересована политически в советской власти. Для нее было безразлично, что будет завтра, а сегодня новая власть была ей неприемлема, так как требовала от деревни и денег, и хлеба, давая взамен только обещания плугов, кос и мануфактуры» [34. С. 10].

Преобладавшие в деревне весьма немногочисленные беспартийные бедняцко-средняцкие советы оказались политически неустойчивыми и слабыми. Как справедливо отмечает Т.В. Якимова, политические настроения среднего крестьянства эволюционировали «в перемене оттенков его нейтралитета от благожелательного к выжидательному, а затем к враждебному до слияния с позицией кулачества в его бойкоте советской продовольственной политики» [17. С. 177].

На всеобщую деградацию, падение нравственности, царившие и в сельской местности, накладывала отпечаток воспринятая как вседозволенность свобода. По многочисленным сообщениям газет, процветали самогоноварение и пьянство, довольно широко было распространено хулиганство. Корреспондент из села Шалаболыха Славгородского уезда, например, так описывал социальные последствия самогоноварения и пьянства: «Затем все стало в народе забываться, потому что идет страшное пьянство. Хлеб тысячами пудов сжигается на самосидку. Весь народ ничего не сознает, что делает, и затем идет какая-то травля друг на друга» [20. 1918. 12 марта (27 февр.)].

Не редкостью для крестьянства являлись проституция и венерические заболевания, переносчиками которых были демобилизованные солдаты [20. 1918. 24 (11) марта].

В западносибирской деревне быстро поднимался общий уровень преступности, участились случаи аффективных действий: злого хулиганства, насилий, убийств, жестоких самосудов со стороны крестьянства: «Самосуды не прекращаются. Жизнь подешевела до ужаса. Всякого рода революционные трибуналы лишь утверждают произвол, так как они носят ярко

партийный характер... Суда нет, и вместо него у нас царят произвол и самосуд» [Там же. 21 (8) марта]. Так, в селе Барнаульском той же волости в ходе самочинной расправы на глазах жены и детей был живьем зарыт в яму секретарь Дудинского исполнительного комитета Двойнин. Жена его здесь же умерла от разрыва сердца; после их гибели остались малолетние дети, сироты [23. 1918. 12 (27) марта]. В старообрядческом селе Верх-Убинское Змеиногорского уезда только за Масленицу 1918 г. были убиты 7 человек [Там же. 3 апр. (21 марта)].

Выразительная картина уровня правосознания, падения нравов, равнодушия к образованию, школе и резкого ослабления религиозного чувства революционной деревни предстает, например, в одной из корреспонденций из Кузнецкого уезда Томской губернии: «Уплата налогов под влиянием большевиков крестьянами не производится, и наряду с этим отрицается необходимость существования какой-либо центральной власти. Во многих волостях органы власти уже упразднены. Текущие события занимают крестьян очень мало, больше их интересуют личные дела. Солдаты с фронта почти все возвратились. Много свадеб. Потребление самогонки огромное. В печальном состоянии находятся сельские школы. – Учителя бегут, так как крестьяне сплошь и рядом относятся к ним недоброжелательно, а вдобавок сторожа их не слушаются: уборки не производят, печей не топят и т.д. Местами учительницы сами моют полы в школах и производят уборку. Вдобавок учителя и учительницы получают такое ничтожное вознаграждение, что голодают, так как в деревне сплошь и рядом труднее достать съестные продукты, чем в городе. Религия среди крестьянства страшно упала, нередки случаи кощунства, были случаи выбрасывания и даже сжигания икон» [20. 1918. 12 марта (27 февр.)].

В селе Быструхинском Каменского уезда Алтайской губернии крестьяне выгнали в декабре 1917 г., в самые сильные морозы, из квартиры престарелого священника, прослужившего здесь более двадцати лет. Попадья была больна, и священник на коленях тщетно умолял крестьян оставить его в квартире до выздоровления жены. Несмотря на уговоры, вся семья была насильственно выселена на улицу. Жена священника через три дня умерла. При этом молодые крестьянские парни с восхищением рассказывали о происшедшем [35. 1918. 2 окт.].

Подобные проявления девиантного поведения являлись одной из форм «революционного психоза». К тому же священнослужители отождествлялись обывателями революционной поры с представителями власти. По мнению В.Б. Аксенова, «восторг и страх, любовь и ненависть, великодушие и жестокость становились постоянными спутниками революции, определяя ее дуалистическую, противоречивую природу» [1. С. 31].

Таким образом, в пореволюционной действительности сибирской деревни поразительно сочетались самые противоположные течения, характеризуя, с одной стороны, жажду социального переустройства на справедливых началах, а с другой – консервативные, узко прагматичные, а также деструктивно-

анархистские тенденции и проявления, которые в совокупности характеризовали социально-нравственный облик сибирского крестьянина.

Материалы периодической печати позволяют показать развитие социальных настроений, социально-психологическую атмосферу и морально-правовые изменения в поведении крестьянства Западной Сибири в пореволюционный период и накануне Гражданской войны. Рассмотрение социально-психологического облика западносибирского крестьянства на данном этапе позволяет заключить, что в жизни сибирской деревни зачастую происходило углубление социальных конфликтов и противоречий, сопровождавшееся ее разобщением. Первоначальное воплощение идей

уравнительности на практике не всегда и не повсюду соответствовало крестьянским ожиданиям. В действительности происходило существенное обострение взаимоотношений между городом и деревней, властью и крестьянством. Нарушение естественного товарообмена, продовольственная монополия, изъятие хлебных излишков вызвали резкое недовольство со стороны крестьян. Это обстоятельство в сочетании с сепаратизмом, произволом, злоупотреблениями, а иногда и темным, уголовным прошлым местных властей привело к подрыву доверия к советской власти в деревне и способствовало последовавшему вскоре быстрому и легкому ее падению под натиском сил внешней и внутренней контрреволюции.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенов В.Б. Революция и насилие в воображении современников: слухи и эмоции «медового месяца» 1917 г. // Российская история. 2017. № 2. С. 17–32.
- Победа Великого Октября в Сибири / под ред. И.М. Разгона. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. Ч. II. 319 с.
- Иванцова Н.Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 гг. М. : Прометей, 1993. 352 с.
- Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 гг.) : указатель газет и журналов : пособие для студентов. Изд. 2-е. Томск, 1990. 85 с.
- Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 гг.) : из истории идейно-политической борьбы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. 246 с.
- Косых Е.Н. Февральская революция 1917 г. и периодическая печать Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 99–106.
- Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. : в 3 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Т. 1: 1880 – февраль 1917 г. / сост. В.П. Зиновьев, О.А. Харусь. 402 с.
- Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. : в 3 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Т. 2: Март 1917 – май 1918 г., ч. 1: Март–август 1917 / сост. Э.И. Черняк, В.А. Дробченко. 416 с.
- Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. : в 3 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Т. 2: Март 1917 – май 1918 г., ч. 2: Сентябрь 1917 – май 1918 г. / сост. Э.И. Черняк, В.А. Дробченко. 386 с.
- Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. : в 3 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Т. 3: Июнь 1918 – декабрь 1919 г. / сост. Н.С. Ларьков, В.А. Дробченко. 376 с.
- Дробченко В.А. Общественно-политическая жизнь Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 550 с.
- Шереметьева Д.Л. Революция 1917 года в жизненных траекториях сибирских журналистов // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск : Параллель, Ин-т истории СО РАН, 2015. Вып. 6. С. 3–16.
- Рассел Б. Практика и теория большевизма. М. : Наука, 1991. 128 с.
- Якимова Т.В. О формировании политических настроений крестьянства Западной Сибири после победы Февральской буржуазно-демократической революции // Вопросы социалистического строительства в Сибири : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. С. 41–48.
- Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Акмолинской области (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) / сост. Т.В. Якимова. Томск, 1992. Ч. 1. 173 с.
- Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций Алтайской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) / сост. Э.И. Черняк. Томск, 1992. 131 с.
- Якимова Т.В. Политические настроения и позиции крестьянства Западной Сибири в ходе борьбы за установление Советской власти (октябрь 1917 – май 1918 г.) // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905–1920 гг.) : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1982. С. 172–186.
- Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Тобольской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) / сост. Т.В. Якимова. Томск, 1992. 207 с.
- Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) / сост. Э.И. Черняк. Томск, 1992. Ч. 1. 150 с.
- Земская газета (Томск).
- Западная Сибирь (Омск).
- Черняк Э.И. Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций : (март 1917 – ноябрь 1918 года). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 238 с.
- Алтайский луч (Барнаул).
- Голос трудового народа (Камень-на-Оби).
- Булдаков В.П. Имперство и российская революционность (критические заметки) // Отечественная история. 1997. № 1. С. 42–60.
- Свободный луч (Барнаул).
- Свободная речь (Семипалатинск).
- Сибирская земская деревня (Тобольск).
- Жизнь Алтай (Барнаул).
- Известия Западно-Сибирского и Омского областного исполнительных комитетов Советов (Омск).
- Алтай (Бийск).
- Голос свободы (Томск).
- Горный И. Октябрь в Алтайской деревне // Алтайская деревня : орган Алтайского губернского комитета РКП (Барнаул). 1924. № 1. С. 120–129.
- Парфенов П.С. (Петр Алтайский) Гражданская война в Сибири : 1918–1920 / Истпарт. Комис. по истории Октябр. революции и РКП(б). 2-е изд. М. : Гос. изд-во, 1925. 168 с.
- Единство (Петропавловск).

Kuryshv Igor V. Ishim teacher training institute, Tyumen State University (Ishim, Russia). E-mail: istorik_ishim72@mail.ru

ASSESSMENT OF SOCIAL TRANSFORMATION AND MORAL CHARACTER OF THE WEST SIBERIAN VILLAGE IN PERIODICAL PRESS (OCTOBER 1917 – MAY 1918).

Keywords: Western Siberia; peasantry; periodical press; revolutionary undertakings; behavior; power.

The study of the behaviour and sentiments of the peasantry, the emotional atmosphere during the era of the revolutionary changes enables us to focus on the internal characteristics of the revolutionary process in the Siberian village.

The purpose of the article is to study the process and consequences of social transformation, its impact on the moral and psychological state of the Siberian village from October 1917 till May 1918 on the materials of the regional press.

The author extensively used the periodical press as a source for the study, which to a large extent serves as a reliable reflection of real events.

The autumn of 1917 saw the rise of protests among the poor, destitute strata of the West Siberian peasantry. In their resolutions on authority peasants expressed willingness to support the Soviet government. The majority of peasants hoped for a fair, equitable distribution of land, forest and water among the rural population. Despite the Decree on land, many contradictions and difficulties in solving the agrarian issue in West Siberia appeared. Moreover, the socialization of land contributed to the further growth of social conflicts and economic strengthening of the kulaks. The problems of forest management deepened as well.

The facts mentioned in the article indicate that during the revolutionary reforms proprietary instincts of the West Siberian peasants intensified, and the realization of socialist ideas often turned into an ordinary redistribution of property.

Despite the fact that the Soviet government had formally taken control of Siberian villages by the spring of 1918, the power was actually concentrated in the hands of wealthy villagers. Many war veterans were hostile to kulaks, members of village councils and land committees. However, in the spring of 1918 the veterans lost their social activity under the influence of the rich peasants.

The impact of social reforms on the mass psychology of the peasants largely depended on the moral character of local representatives of the state government. In some districts party organizations were trying to get rid of the fellow travellers of the revolution, adventurers and money-grubbers.

Numerous abuses by local administrations, together with the Soviet government's policy of monopolizing the grain trade, caused serious discontent among West Siberian peasants, exacerbated by the violation of trade between the city and the village. In some villages there were evident anarchist sentiments: the peasants stubbornly defended their own people's government from any restrictions from the authorities, offered resistance to the militia.

The general crime rate in West Siberian villages quickly rose from February 1917, the cases of peasants' disobedience became more frequent.

The author came to the conclusion that in the post-revolutionary West Siberian village two opposite trends were oddly combined. On the one hand, there was a thirst for social reorganization on fair principles, on the other hand there were conservative, purely pragmatic, destructive and anarchist manifestations.

In reality the relations between the town and rural population, the authorities and peasantry had seriously aggravated by the spring-summer of 1918.

REFERENCES

- Aksenov, V.B. (2017) Revolution and violence in contemporaries' imagination: rumors and emotions of the "honeymoon" of 1917. *Rossiyskaya istoriya*. 2. pp. 17–32. (In Russian).
- Razgon, I.M. (ed.) (1987) *Pobeda Velikogo Oktyabrya v Sibiri* [Victory of the Great October Revolution in Siberia]. Part 3. Tomsk: Tomsk State University.
- Ivantsova, N.F. (1993) *Zapadnosibirskoe krest'yanstvo v 1917 – pervoy polovine 1918 gg.* [West Siberian peasantry in 1917 – the first half of 1918]. Moscow: Prometey.
- Kosykh, E.N. (1990) *Periodicheskaya pechat' Sibiri (mart 1917 – may 1918 gg.). Ukazatel' gazet i zhurnalov* [Periodical press of Siberia (March 1917 – May 1918). Index of Newspapers and Magazines]. 2nd ed. Tomsk: Tomsk State University.
- Kosykh, E.N. (1994) *Periodicheskaya pechat' Sibiri (mart 1917 – may 1918 gg.). Iz istorii ideyno-politicheskoy bor'by* [Periodical press of Siberia (March 1917 – May 1918). From the history of the ideological and political struggle]. Tomsk: Tomsk State University.
- Kosykh, E.N. (2017) The February Revolution of 1917 and periodicals of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 416. pp. 99–106. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/416/15
- Zinoviev, V.P. & Kharus, O.A. (eds) (2013) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880 – 1919 gg.: v 3 t.* [Social and political life of Tomsk Province in 1880 – 1919: in 3 vols]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
- Chernyak, E.I. & Drobchenko, V.A. (eds) (2013a) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880 – 1919 gg.: v 3 t.* [Social and political life of Tomsk Province in 1880 – 1919: in 3 vols]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
- Chernyak, E.I. & Drobchenko, V.A. (eds) (2013b) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880 – 1919 gg.: v 3 t.* [Social and political life of Tomsk Province in 1880 – 1919: in 3 vols]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
- Larkov, N.S. & Drobchenko, V.A. (2013) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880 – 1919 gg.: v 3 t.* [Social and political life of Tomsk Province in 1880 – 1919: in 3 vols]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
- Drobchenko, V.A. (2010) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii (mart 1917 – noyabr' 1918 g.)* [Social and political life of Tomsk Province (March 1917 – November 1918)]. Tomsk: Tomsk State University.
- Sheremetieva, D.L. (2015) Revolutsiya 1917 goda v zhiznennykh traektoriyakh sibirskikh zhurnalystov [The revolution of 1917 in the life trajectories of Siberian journalists]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and Society in Siberia in the 20th century]. Novosibirsk: Parallel', Institute of History SB RAS. pp. 3–16.
- Russell, B. (1991) *Praktika i teoriya bol'shevizma* [Practice and theory of Bolshevism]. Translated from English. Moscow: Nauka.
- Yakimova, T.V. (1983) O formirovaniy politicheskikh nastroyeniy krest'yanstva Zapadnoy Sibiri posle pobedy Fevral'skoy burzhuazno-demokraticeskoy revolyutsii [On the formation of political attitudes of the West Siberian peasantry after the victory of the February bourgeois-democratic revolution]. In: Razgon, I.M. (ed.) *Voprosy sotsialisticheskogo stroitel'stva v Sibiri* [Socialist Construction in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp.41–48.
- Yakimova, T.V. (1992a) *S'ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh, natsional'nykh organizatsiy v Akmolinskoy oblasti (mart 1917 – noyabr' 1918 gg.)* [Congresses, conferences and meetings of social class, political, religious, national organizations in Akmola region (March 1917 – November 1918)]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

16. Chernyak E.I. (1992a) *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, natsional'nykh i religioznykh organizatsiy Altayskoy gubernii (mart 1917 – noyabr' 1918 gg.)* [Congresses, conferences and meetings of social class, political, national and religious organizations of Altai Province (March 1917 – November 1918)]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Yakimova, T.V. (1982) Politicheskie nastroyeniya i pozitsii krest'yanstva Zapadnoy Sibiri v khode bor'by za ustanovlenie Sovetskoy vlasti (oktyabr' – may 1918 g.) [Political sentiments and positions of the peasantry of Western Siberia in the struggle for the Soviet power (October – May 1918)]. In: *Problemy istorii revolyutsionnogo dvizheniya i bor'by za vlast' Sovetov v Sibiri (1905 – 1920 gg.)* [The History of the Revolutionary Movement and the Struggle for the Soviet Power in Siberia (1905 – 1920)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 172–186.
18. Yakimova, T.V. (1992b) *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh, natsional'nykh organizatsiy v Akmolinskoy oblasti (mart 1917 – noyabr' 1918 gg.)* [Congresses, conferences and meetings of social class, political, religious, national organizations in Akmola region (March 1917 – November 1918)]. Tomsk: Tomsk State University.
19. Chernyak E.I. (1992b) *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, natsional'nykh i religioznykh organizatsiy Altayskoy gubernii (mart 1917 – noyabr' 1918 gg.)* [Congresses, conferences and meetings of social class, political, national and religious organizations of Altai Province (March 1917 – November 1918)]. Part 1. Tomsk: Tomsk State University.
20. *Zemskaya gazeta (Tomsk)*.
21. *Zapadnaya Sibir' (Omsk)*.
22. Chernyak, E.I. (2001) *Revolutsiya v Sibiri: s"ezdy, konferentsii i soveshchaniya obshchestvennykh ob"edineniy i organizatsiy: (Mart 1917 – noyabr' 1918 goda)* [The revolution in Siberia: congresses, conferences and meetings of public associations and organizations: (March 1917 – November 1918)]. Tomsk: Tomsk State University.
23. *Altayskiy luch (Barnaul)*.
24. *Golos trudovogo naroda (Kamen-na-Obi)*.
25. Buldakov, V.P. (1997) Imperstvo i rossiyskaya revolyutsionnost' (Kriticheskie zametki) [Imperialism and Russian revolutionism (Critical notes)]. *Otechestvennaya istoriya*. 1. pp. 42–60.
26. *Svobodnyy luch (Barnaul)*.
27. *Svobodnaya rech' (Semipalatinsk)*.
28. *Sibirskaya zemskaya derevnya (Tobolsk)*.
29. *Zhizn' Altaya (Barnaul)*.
30. *Izvestiya Zapadno-Sibirskogo i Omskogo oblastnogo ispolnitel'nykh komitetov Sovetov (Omsk)*.
31. *Altay (Biysk)*.
32. *Golos svobody (Tomsk)*.
33. Gornyy, I. (1924) Oktyabr' v Altayskoy derevne [October in the Altai village]. *Altayskaya derevnya. Organ Altayskogo gubernskogo komiteta RKP (Barnaul)*. 1. pp. 120–129.
34. Parfenov, P.S. (1925) *Grazhdanskaya vojna v Sibiri: 1918–1920* [The Civil War in Siberia: 1918–1920]. 2nd ed. Moscow: Gosizdat.
35. *Edinstvo (Petropavlovsk)*.